

84 (2 Poe = PVC) 6

K M58

THE
AMERICAN
LIBRARY
OF THE
AMERICAN
LIBRARY
OF THE
AMERICAN
LIBRARY

Дмитрий
МИЗГУЛИН

ГЕОГРАФИЯ
ДУШИ

ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ
1979-2004 гг.

- 086744 - 2

«Художественная литература»

Москва
Библиотека
2005 Югры

08

Государственная
библиотека
Югры

КО

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)5
М 58

Составление и предисловие *В. М. Петрова*
Оформление *Г. Котляровой*

ISBN 5-280-03355-3

- © Тексты. Мизгулин Д. А., 2005 г.
- © Составление и предисловие. Петров В. М., 2005 г.
- © Издательство "Художественная литература", 2005 г.
- © Оформление. Котлярова Г., 2005 г.

СТЯЖАНИЕ СЛОВА И ДУХА

Говорите, пожалуйста, тише...

Дмитрий Мизгулин

От первой публикации 1980 года до выхода книги избранных стихов Дмитрия Мизгулина пролегает путь в четверть века. Четыре значимых сборника, изданных в Санкт-Петербурге и Москве, как вехи стоят на этом пути.

Захваченный литературным потоком конца семидесятых, пройдя классическую школу поэзии в Литературном институте им. А. М. Горького, он самоопределяется в начале девяностых. Опираясь на тревожное ощущение будущего России, сострадая человеку, продолжает в новых жизненных обстоятельствах свой поэтический труд.

Серьезность траектории творческого пути Дмитрия Мизгулина становится очевидной в XXI веке. Свое поэтическое кредо он определил лаконично и недвусмысленно: "В творчестве первое — это восприятие души, а потом уже ум. Поэзия — это впечатление". В словах поэта — желаемое. Однако природа его дарования видится несколько иначе: чувство и мысль сливаются в единое лирическое "мыслечувствие".

Первичность умного впечатления и погружение души и сознания в наболевшие проблемы современности, которой подчинены история и культура прошедших столетий, создают стилевую особенность поэтической речи: некий *экстремальный импрессионизм*. Ощущение трагизма жизни у поэта — сродни

блоковскому ("О, если б знали, дети, вы холод и мрак грядущих дней"), но в это опасное состояние он входит безбоязненно.

Словом, как Божьим материалом, Дмитрий Мизгулин строит свой поэтический мир, укрепляя его и собирая под кров своих книг духовные ценности. В этом и есть точный смысл слова "стяжание" (приобретение, владение), столь любимое русскими религиозными мыслителями XIX—XX веков. Как стяжатель русской речи он в поэзии видит лекарство против прогрессирующей лучевой болезни общества, раковой опухоли безправственности. Ему мучительно наблюдать, как осыпается отстроенное предками здание, или, лучше сказать, собор русского языка, а вместе с ним и душа человека:

*...Господь, верни мне скорбный слух,
Чтоб сам себя я смог услышать.*

Гул катастроф забывает внутреннюю речь, человек забывает сам себя, оглушенный, смятый, потерянный, безъязыкий:

*Была когда-то Родина. А ныне
В своей стране живу, как на чужбине,
Где дикторы с акцентом говорят,
Где исчезает человечность быта,
Где состраданье напрочь позабыто,
Где вывески английские горят.*

Но не случайно корневая основа слова "стяжание" — стяг, боевое знамя, святая хоругвь. Под это знамя поэт и призывает собраться тех, кто хранит русскую речь и передает ее в будущее.

*Когда-нибудь опять великой
Россия будет. А пока
Голубоглазые таджики
Нам строят счастье на века.*

*Не знают русский поголовно,
Не граждане и не бичи,
Неторопливо и неровно
Кладут ребята кирпичи...*

Чутким, "скорбным слухом" поэт фиксирует в эфире современности волны людской боли, чувства рабского унижения, разрушения личности. В подобных условиях невегласия (косноязычия, варварской речи) говорить русскими стихами, отвоевывая жизненно важные для человека духовные и нравственные ценности, — это и есть своеобразный новый русский экстрим!

Речь поэта тепла и доступна, она лишена метафорической сгущенности, пустой игры звуками и смыслами, неуклонно приближается к лаконичной философской притче или молитве. Дмитрий Мизгулин — труженик, а не сладкопевец. Ему чужды те литераторы, что "пишут километрами", а "издают килограммами" и — пируют во время чумы:

*Не пашут, не сеют, не полют,
Едят с аппетитом и пьют.
О, как они складно глаголют!
О, как они сладко поют!*

Гражданская и поэтическая позиция автора определена его литературными заметками "В зеркале минувшего", изданными в Санкт-Петербурге в 1997 году. По сути, это литературный манифест:

— не быть "лакировщиком" действительности, рассказывать правду о русском человеке, о России;

— "светлое" настоящее лишь потому кажется светлым, что чрезвычайно затемнено наше прошлое, история народа;

— сегодняшнее духовное обнищание сопровождается резким разрушением, опрощением быта, его материализацией;

— художественная, поэтическая правда выше частных, житейских и корпоративных убеждений, она обладает большей обобщающей силой, приближая нас к истине, к Богу;

— налицо девальвация личности: "нынешний человек отличается от дореволюционного как золотой царский червонец от десятирублевой бумажки";

— поэзия обладает особой силой, позволяющей обгонять "тугой рост русского просвещения" (А. Аксаков);

— сила поэзии — в ее народности, которая ныне стремительно затухает, тонет в чужеродных влияниях, являет признаки вырождения;

— разъединенность творческих сил, энергичная работа интеллигенции по разрушению существующего уклада жизни ведет к "полному оскудению нравственных начал" (А. Хомяков);

— русский поэт должен быть и творить в эпицентре, в болевых точках современной народной жизни, оберегая традицию, человеческую душевность и православную духовность.

*...И пусть кругом все люди — братья,
Но только надобно понять,
Что все ж обычаи — не платья,
Чтоб их легко переменять.*

Чувственное размышление над судьбой человека и страны преобразуется в афористический стих, определяющий свободную авторскую позицию и его приоритеты:

*Кроме Бога и военкомата
Нет теперь начальства у меня.*

Так было в юности, так есть и сейчас. Подобно Тютчеву, Дмитрий Мизгулин трансформирует в поэтическую форму мысли, рожденные осознанием трагизма века. Даже в его публицистической прозе

неволью вспыхивает, прорывается ритмичная строка: "Русь рухнула, распавшись изнутри", или:

*Когда-то Русь и пела, и смеялась,
А нынче даже плакать нету сил...*

Можно ли поэтическим словом остановить этот процесс разрушения? Можно ли умными и прочувствованными стихами предотвратить катастрофу? В этом у автора большие сомнения, хотя утвердительный ответ возможен. Ведь поэтическое слово, благодаря своей божественной природе, является средством одухотворения человека, зажатого во враждебном ему пространстве материального мира. Не случайно первую книгу, которую в конце восьмидесятых издать уже было невозможно, автор назвал "География души". Это переключка с названием программного стихотворения Тютчева "Русская география". Не случайна у него и тоска по другу, соратнику, по содружеству поэтов:

*...Друзей услышу голоса,
И корабли моей надежды
Поднимут снова паруса...*

Эта тоска сопряжена с пониманием, что труд для заработка, для достижения достойного уровня жизни и духовный труд поэта в России не совпадали никогда! Материальной основы для содружества поэтов нет, поэт обречен на одиночество.

В статье "Парадоксы Бердяева" Дмитрий Мизгулин выявляет движущие силы жизни и поэтического труда, вставая в оппозицию русскому мыслителю: "В свое время Гофман писал: "Из столкновения Божественного начала с сатанинским происходит понятие земной жизни, из победы в этом споре — жизни небесной". Борьба этих двух начал — или, в ином понимании, — сил добра и зла (Божественного и дьявольского), — это вечная борьба, это смысл и

форма существования жизни, а отнюдь не "качество" русской души".

Этой мыслью и этим чувством пронизаны многие стихи Дмитрия Мизгулина. Все они, собранные в этой книге, требуют глубокого и серьезного прочтения.

В очерке "Три Дон-Жуана" автор развивает тему современного бедствия. Он утверждает, что духовное опрощение людей, рожденное отрывом от традиции, от молитвы, то есть от стяжания святости, которое возможно и осуществимо лишь в труде, — примета нашего времени. И как следствие — отказ от созидательного труда, прежде всего духовного, а затем и физического, — и обеднение всего народа, идущего к пустоте, к саморазрушению, и еще более жуткого ценностного обвала, нравственного дефолта — в ближайшем будущем.

Поэтому стихи Дмитрия Мизгулина — мучительное желание окружить себя и ближних, собеседников и читателей, защитным полем поэзии.

Родина поэтов — на небе. На земле же они редко угадывают друг друга. Верится, что стихи этой книги помогут единомышленникам узнавать друг друга, помогут обрести "тепло тишины", стяжать в экстремальном мире благородство слова и духа:

*...Я все же остаюсь в своей эпохе,
Где Дух определяет Бытие.*

Виктор ПЕТРОВ,
член Союза писателей России

Из книги

*«ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ВЪЮТА»*

(1992 г.)

* * *

Нашей памяти долгий свет —
Как единственное наследство,
Как от поступи прошлых лет,
Никуда от нее не деться...

Всё вместила моя душа
Без остатка и без возврата,
Чередуются не спеша
Времена, события, даты...

За морозным, синим окном
Занялась, замела пороша.
С каждым часом и с каждым днем
Тяжелей, непосильней ноша...

Заметается ночь пургой,
И луна, потемнев, ослепла...
И кружатся во тьме глухой
Хлопья снега и хлопья пепла.

* * *

Как сговорившись, окна гаснут.
И вот уж город погружен
В спокойный, безмятежный, ясный,
Почти что детский, тихий сон.

Забуду о добре и зле,
О пустоте дневного вздора.
Смотрю, как в сумеречной мгле
Мерцают купола собора,

Как над застывшею листвою
Сиянье лунное разлито,
Как конь над сонною Невой
Вознес тяжелые копыта.

Мерцают тускло фонари.
В реке дрожат ночные звезды.
Еще есть время до зари,
И, может быть, еще не поздно

Связать оборванную нить,
Поднять распавшиеся звенья
И начинать, как прежде, жить
Без гордости и сожаленья,

Без суеты и без подсказки
Дрожащих, тающих теней,
При свете совести и сказки,
В сиянье звезд и фонарей...

* * *

Дымится мгла морозного тумана,
И первый снег отяжелил листву.
И то, что было призрачно и странно,
Отныне проступает наяву:
Покатых крыш немые очертанья,
Высокой церкви черный силуэт,
А в небесах, под сводом мирозданья,
Далеких звезд лампадный, тусклый свет.
И на сто верст — ни недруга, ни друга.
И на сто верст — глухая тишина.
И в снежный мрак погружена округа,
Чуть теплится тяжелая луна.
И сколько мне еще в пути осталось
Брести среди заснеженных могил...
Когда-то Русь и пела, и смеялась,
А нынче даже плакать нету сил.

* * *

В покинутом доме распахнуты двери,
Уныло скрипят одичавшие ставни,
Приходят без страха пугливые звери,
Хоть дом стороной обходили недавно.
Снуют деловито нахальные мыши,
Щебечут беспечно случайные птицы.
Уже прохудилась покатая крыша,
И окон сияют пустые глазницы.
И пусто. И тихо. И так одиноко,
Лишь только журавль пролетает высоко.
О чем ты, зачем ты поешь, соловей,
Кого ты обрадуешь песней своей?..

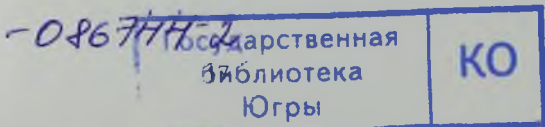
ДОРОГА ЧЕРЕЗ КЛАДБИЩЕ

Тесно стало на кладбищах русских.
Громоздятся тяжелые плиты,
И проходы немислимо узки,
И кресты, и ограды разбиты.
Ну, а рядом грохочет дорога,
Деловито и невозмутимо.
Ненадолго забытые Богом,
Изменяемся неуловимо.
Нет мгновенья, чтоб скорбно и тихо
Постоять у родимой могилы.
И гремящее, грозное лихо
Забирает последние силы:
Чтобы чувства и глуше, и тише,
Чтоб душа не томилась в тревоге,
Чтоб я голоса мамы не слышал
Из-за этой проклятой дороги.

ВСТРЕЧА

В толпе торопливых прохожих
Увижу тебя, оглянусь.
И душу наполнит тревожно
Щемящая, давняя грусть...

Мерцает твой облик и тает
В заснеженных сумерках дней.
Не память нам изменяет,
А мы изменяем ей.

НА ВЫСТАВКЕ РУССКОГО ПОРТРЕТА

По залам Русского музея
Бродить отправлюсь не спеша,
И замирает, холодея,
Моя тревожная душа...

Армяк или мундир дворянский,
Князья, вельможи, косари...
Но царский лик и лик крестьянский
Светился как бы изнутри.

Но все же замечаю в каждом
Какой-то тягостный недуг.
Как говорил поэт однажды:
"Предвосхищенье смертных мук..."

Остановившись у Рублева,
Очнусь от набежавших дум.
И вспомню вдруг, что слово в слово
Твердил мятежный Аввакум.

Он бичевал обычай скотский,
Твердил, что нет на тех креста,
Кто очень чувственно и плотско
Изображает лик Христа.

И пусть крутом все люди — братья,
Но только надобно понять,
Что всё ж обычаи — не платье,
Чтоб их легко переменять.

Что с этим чувством примираясь,
Утратим зрение и слух.
И растворяясь, истончаясь,
Исчезнет вовсе русский дух...

И долго нам кружиться, нищим,
Меняя веры и места,
Как воронью над пепелищем
От пустозерского костра.

СУВОРОВ

Увы, уже не та столица,
Но он-то помнит те года,
Ведь с ним сама императрица
Была почтительна всегда.
И дело вовсе не в наградах,
Он не желает, не привык
Во фрунт тянуться на парадах.
Ему ль, солдатскому герою,
В тщеславной суете сновать?
В мундире прусского покроя
Душе российской не бывать!

Пока течет спокойно время,
Живет в угаре кутежей
Бездарное, тупое племя
Корыстолюбцев и ханжей.
И мнится им, что в этой жизни
Они познали все сполна.
Но им Россия — не Отчизна,
Для них не Родина она...

А в нашем мире беспокойном
Опять война, опять пальба,
И будет выбирать достойных
Не император, а судьба.

И станет жалок и бессилён
Дурак в чванливости своей,
И позовет тогда Россия
Своих опальных сыновей!
И побледнеют в страхе лица,
И дрогнет в зеркалах заря,
И понесутся от столицы
Во весь опор фельдъегеря...

Ну а пока — пора иная.
Качает маленький возок.
Не спит, о чём-то вспоминая,
Продрогший до костей ездок.
Склонившись, задремал возница,
А кони продолжают бег...
Когда-нибудь да пригодится
России умный человек!

В ДОНСКОМ МОНАСТЫРЕ
У НАДГРОБИЯ СУМАРОКОВУ

Не узнать Москвы с гравюр старинных.
Разрослась столица вдаль и вширь...
Я вхожу в ветшающий, в былинный,
Позабытый Богом монастырь.

Где могила русского поэта?
Только имя славное хранит,
Времени минувшего примета,
Этот старый, выцветший гранит.

Ну а впрочем, разве нынче нужен
Этот ветхий, сгорбленный старик
И его неловкий, неуклюжий
И неповоротливый язык?

И кому теперь какое дело,
Что там зрело в мудрых их умах?
Время пролетело, прогремело
И летит вперед на всех парах!

Нет мгновений даже оглянуться.
Целый мир в туманной мгле исчез.
На ветру пустые ветви гнутся,
Покосился безымянный крест...

Сад воскреснет с новой весной,
Зашумит, исполнен новых сил,
Но гудит тревожно подо мною
Пустота отеческих могил.

ФЕДОР РАСКОЛЬНИКОВ
В ПАРИЖЕ

Минувшее явственно вижу,
Прошедшие годы не в счет.
И вот по ночному Парижу
Раскольников Федор идет.

Без паспорта въехал. Без визы.
Трубят "Фигаро", "Пари матч":
Он бросил нешуточный вызов,
К вождю обратившись: "Палач!"

Ах, память, ты, русская память!
Оглянешься с мукой назад —
Кроваво-закатное знамя,
Туманно-ночной Петроград.

И будет спасение миру,
И счастье, и свет, а пока —
Не вы ли в ночные квартиры
Ломились с мандатом ЧК?

Не ты ли, Раскольников, рьяно
Великой идее служил?
Как демон полночный, с наганом
Во тьме предрассветной кружил?

Теперь спохватился — не слишком
Раздули всемирный пожар?
Во что же ты верил, братишка?
Куда ж ты нас вел, комиссар?..

Ах, память, ты, русская память!
Все вспомнишь в конце-то концов.
Тобой же раздутое пламя
Тебе опалило лицо.

Огнями ночного Парижа
Вся комната озарена,
А память все ближе и ближе,
И все беспощадней она.

И снится убитый царевич,
И кровью забрызганный лед.
И Бунин Иван Алексеич
Руки тебе не подает.

* * *

Сказал Пророк: "Жить не по лжи..."
Какая истина простая!
Но как сквозь лес пройти, скажи,
Листвы дерев не задевая?

Изведать предстоит в пути
Забытых троп, дорог широких...
Но можно ль поле перейти,
Не задевая трав высоких?

Чеканно светятся слова,
Литые правила вменяя.
И чуть колышется листва,
Росу тяжелую роняя.

* * *

На Родине — как на вокзале —
Сумятица и суета,
И сумрак в прокуренном зале
Такой, не видать ни черта.
Здесь кто-то прибудет заране,
А кто-то — в последний вагон.
И кружится в сонном сознанье
Мир шапок, ботинок, погон...

А после в бездонном пространстве
Лететь среди тусклых светил,
Чтоб ветер сомнений и странствий
Земную печаль возвратил,
Чтоб вновь поутру захотелось
Пройтись по траве босиком,
Чтоб снова печалилось, пелось,
И даже неважно о ком.

Чтоб вновь обрести постоянство,
Чтоб вновь осязать наяву,
Как падают звезды в пространство,
Как яблоки, — прямо в траву...

ПОЖАР В ЛЕСУ

Поезд мчится. Мой сосед
Чай лениво допивает.
Ехать нам — не ближний свет,
И от скуки он зевает.

Дело к ночи. Спать пора.
Поплотней задерни шторы.
Прекратим-ка до утра
Утомительные споры.

Кто-то будит... Посмотри,
Стены странно заалели,
Но далеко до зари.
Что случилось, в самом деле?

Мы — к окну. А за окном
Пламя в мрачном танце пляшет.
Птица черная крылом
Над гнездом сожженным машет.

А сосед мой — чем помочь? —
От окна к окну метался.
В эту сумрачную ночь
Только зрителем остался.

У тебя душа болит?
Ты зачем ее тревожишь?
Поезд едет. Лес горит.
И ничем тут не поможешь.

СМУТА

Умело замешана кем-то и споро, и круто,
Мятежно над Русью вздымается
  грозная смута.
Опять зашептались о Боге, о черте, о воле,
Опять не засеяно вовремя долгое поле.
Но брошено семя обиды, вины и позора,
И души наполнит мятежное пламя
  раздора.
Ни златом уже не сплотить, ни кнутом,
  ни любовью,
Готовьтесь умыться слезами и потом,
  и кровью.
И вот захлебнулись от горя, тоски
  и от скуки,
И нищие грозно вздымают костлявые
  руки.
И звон колокольный.
  И крик журавлиной тревоги.
И тесно крестам
  над погостами возле дороги,
И времени нет,
  чтоб к кресту приложиться губами.
И ворон кружит над мерцающими
  куполами.

Рассветы багряны.

И дымно-красавы закаты.

Опять замышляют поход на Москву
супостаты.

Красавый туман

над притихшей Россией клубится,

И Гришка Отрепьев уже ничего не боится.

Отара послушно бредет за своим пастухом,
Спокойно, лениво,

не зная забот и тревоги.

А он в полудреме на ослике едет верхом
По только ему одному лишь

известной дороге.

Отара не ведает страха, не знает беды.
Бараны бредут друг за другом

лениво и сонно.

И тащатся вновь целый день

от воды до воды,

И верят, что все это прочно,

надежно, законно.

Ведь есть же пастух,

что на ослике едет верхом.

Он умный. Он знает дороги и все водопой.

И стадо послушно бредет

за своим пастухом,

Бредет, убаюкано

знойным и сытым покоем.

РАЗДУМЬЯ В СТЕПИ

В пустыне властвует самум.
И степь не знает постоянства.
Куда исчез Каракорум —
Столица Золотого ханства?

А ведь отсюда шла Орда
В свои кровавые походы,
Уничтожая города,
Пленяя страны и народы.

И город был от бед храним
И от пожара, и от сечи.
Но меч судьбы висел над ним:
Был град велик, но не был вечен.

А по Руси найдешь едва
Огнем нетронутого града.
А сколько раз была Москва
Сожженной в битвах и осадах?..

Но вновь восстали, поднялись
Из пепла города России,
И купола тянулись ввысь
Ажурные и золотые...

Очнись от набежавших дум,
Вгляжусь в бесстрастное пространство:
Куда исчез Каракорум —
Столица Золотого ханства?

Закон истории жесток.
Все мерит время мерой строгой.
Холмы. Нагая степь. Песок.
Луна над пыльной дорогой.

П. Кириченко

Позабытый погост.
Тускло светит луна.
И на тысячи верст
Тишина, тишина...
Ох, шальная беда
Поголяла окрест:
Коммунисту — звезда,
Православному — крест.
Сколько бурь, сколько битв —
Стыли реки в крови.
Сколько страстных молитв
Да бессильной любви!
Угасали глаза!
И морщинились лбы,
И стекала слеза
В окоемы судьбы.
Чуть дымится во мгле
Мир загадочных звезд.
Только в этой земле
В человеческий рост
Всем достаточно мест,
Все равны навсегда:

Православному — крест,
Коммунисту — звезда.
Позабытый погост.
Тускло светит луна.
И на тысячи верст
Тишина...

В ЦАРСКОСЕЛЬСКОМ САДУ

Брожу я по аллеям не спеша,
И легкой грустью полнится душа...
Какая толчея и суета,
И лебедей не видно у моста.
Нет гордых птиц! Зато со всех сторон
Слетелись стаи черные ворон.
Смотрю, как ворон в небесах повис,
Как, замирая, зорко смотрит вниз,
Как мрачно тень тяжелого крыла
На купол позолоченный легла.

ИСААКИЕВСКИЙ СОБОР

Как морозно и ветрено в мире.
Все, наверно, давно решено.
У Рылеева в тихой квартире
Недопитым осталось вино...
Вы спешили на площадь с рассветом
Под штандарты мятежных полков.
Как на солнце горят эполеты,
Как тревожно мерцанье штыков!..

Нынче здесь ничего не напомнит
О героях минувших времен...
А в ушах —
То ли звон колокольный,
То ль кандаальный, овьюженный звон.
Купол высится в отблесках мгlistых,
И проносится
Лет череда,
И на шпиге его серебристом
Одиноко мерцает звезда...
Век мятежный грядет и бесславный,
Лед на царственной тает реке,
И заснеженный всадник державный
Крепко повод сжимает в руке.

ДОМ, ГДЕ ЖИЛ ТЮТЧЕВ

Смеркается. Как наваждение
В морозном мареве огней
Прспекта сонное движение,
Реклам дрожащее свечение,
Мерцанье тусклых фонарей...

Иду по Невскому. Знакомо
И все почти известно мне...
На миг останавлиюсь у дома,
Увижу яркий свет в окне.

Напряжены, в морозной пыли,
Гудят чуть слышно провода.
Здесь жил поэт. Давно забыли,
В какие именно года.

Уже пустеют мостовые.
Смотри, из этого окна
Ему была видна Россия,
Была судьба ее видна...

БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ

Белеет парус одинокий,
Как лебединое крыло...

А. А. Бестужев

I

Балы, концерты, маскарады,
Блеск аксельбантов, эполет,
Ученья, смотры и парады,
И только ночью ты — поэт.
И к черту свет, пустой, манерный,
Слова вельможи-дурака...
Свеча роняет свет неверный,
И тень колышется слегка...
Но что перо?
Перо — не шпага!
А сколько сделать бы хотел!
В душе всегда жила отвага:
Поменьше слов — побольше дел!
Судьба. Отечество. Рылеев.
Непримиримый, честный взгляд.
Ужели жизни пожалеем?!
Кондратий, друг мой, как я рад...
И вновь — волнения, заботы,
Ночные встречи, шумный бал...
Постой же, маска, кто ты? Кто ты?

Тебя я прежде не встречал...
И вдоль Фонтанки мчит карета
В морозных бликах фонарей
Штаб-офицера и поэта
С ночной избранницей своей.
Лови последние мгновенья —
Туманный взор, покорность губ...
Но бьет минута пробужденья —
Призывает глас гвардейских труб.
Остудит сердце мрак январский.
Падет таинственный покров.
И будет гнев коварен царский,
А жребий — страшен и суров...

II

Друзья мои! Что с вами ныне?
Кого из вас судьба хранит?
Один томится на чужбине.
Другой — в тюрьме. А ты — убит!
Ах, Пушкин, Пушкин... Нет, не жалость —
Наш скорбный путь лежит во мгле.
Но неужели не осталось
Сердец достойных на земле?
И офицерам, и поэтам
Давно пора понять, друзья,
В несовершенном мире этом
С душой открытой жить нельзя.
Нельзя? Нельзя! Но Боже правый,
Как быть тебе, когда ты сам
Рожден для подвига и славы,
С душой, летящей к небесам?!

А дальше? Дальше будь что будет.
И пусть не будет ничего.
Потомок строгий не осудит
Сомнений сердца моего...

Белеет саван пенных кружев,
И вал за валом катит вал.
Опальный прапорщик Бестужев
В десанте без вести пропал.
Что в жизни скорбной и постылой
Решит последний спор с судьбой?
И ни креста, и ни могилы,
И только пенится прибой...
А в море зыбком, там, далеко,
Так неподкупно и светло
Белеет парус одиноко,
Как лебединое крыло...

ДАНЗАС

Катит скрипучая бричка,
Жаркий полуденный час.
И задремал по привычке
Старый полковник Данзас.

Счастья нет и в помине,
Нет ни детей, ни жены.
Тлеет, как угли в камине,
Позднее чувство вины...

Жизнь переменчива наша —
Счастье, разлука, беда...
Что же вы медлите, Саша? —
Крикнуть хотелось тогда...

Выстрел. Душа вострепелась,
Словно развеялся сон.
В стылое небо взметнулась
Черная стая ворон.

Помните лица и строчки,
Морщите мудрые лбы,
Но не просите отсрочки
У милосердной судьбы.

* * *

Сошла с небес полночная звезда
И засверкала на высоком шпиле,
Которым крест в тридцатые года
На куполе собора заменили.
И верили, иначе и нельзя,
Как только рушить все до основанья...
Струится нынче лунный свет, скользя,
Окутывая улицы и зданья...
Не будем вспоминать давнишний спор,
Что потерял давно свое значенье.
Смотри, стоит увенчанный собор,
Окутанный таинственным свеченьем...
И до заветной не достать рукой,
Не отменить, не наложить запрета,
И льется свет серебряной рекой,
И нам уже глаза слепит от света.

* * *

Страдай, страдай, душа моя,
Пусть мы не властны над судьбою —
Неотвратимость бытия
Пока не властна над тобою.
Как птица, раненная влет,
Над заповедными долами
Лети, спасение мое,
С окровавленными крылами...

НОЧУЮ В ГОСТЯХ

Только в комнате выключу свет,
Как останусь один в этом мире,
И подумаю вдруг — сколько лет
Этой старой, забытой квартире?
Кто в стенах этих жил, кто тужил
По несбывшейся светлой надежде?
Кто рублем золотым дорожил
В этом доме глухом на Разъезжей?
Здесь бродил Достоевский не раз,
Пушкин к Дельвигу ехал под вечер,
Чернышевский в полуночный час
Шел, сутуля высокие плечи...
И какая теперь тишина
И безликость ночными часами...
Лишь мерцают в ночи имена,
Что хранит нестареющий камень.
Станет страшно в зловещей тиши
На мгновенье, всего на мгновенье!
Память камня — не память души —
Не распались бы вечные звенья,
Чтобы в эту зловещую щель
Не врывался беспомощный ветер...
Скрипнет плохо прикрытая дверь.
Дрогнут блики фонарного света.

И распахнутой книги страница
Шевельнется, и дрогнет рука,
И едва заскрипит половица,
Заколышутся тени слегка...
Я не сплю. Я лежу не дыша.
Кто полночью сумрачной бродит?
Может, грешная чья-то душа
Что-то ищет, да все не находит...

* * *

Прощаясь наспех, навсегда
В столпотворении разлук,
Ты не забудешь никогда
Ее по-детски тонких рук.

Пройдет печальная пора.
Ты будешь жить и не тужить,
Но будут желтые ветра,
Как листья, память ворошить.

Конечно, вечность — это вздор.
Ты прав, до срока всё пройдет.
Но все же, где горел костер, —
Трава подолгу не растет...

Как хорошо, что я один.
Что ночь кругом. Что мне не спится.
Что через кружево гардин
Зеленый лунный свет струится.

Ударил мотылек в стекло.
И почему-то, сам не знаю,
О наших встречах так светло,
Без прежней боли вспоминаю.

А в небе — Дева и Весы.
И пес, уснув, тревожно дышит.
И на весь мир стучат часы,
Да только их никто не слышит.

За окном — ноябрьский дождь и ночь,
Фонарей и звезд мерцает путь.
Только б эту осень перемочь,
До зимы бы только дотянуть.

Грянет ночью сумрачной мороз,
Мягко лягут первые снега,
И среди заснеженных берез
Зазвенит веселая пурга.

И забьется сердце не спеша,
Мягко снег кружится, не спешит,
И ледком затянется душа,
И снежком её припорошит.

Ты ждал наступленья зимы,
Как ждут избавленья от боли.
А ветры в желтеющем поле
С утра затащили псалмы.
Ты ждал наступленья зимы.
Ты ждал на исходе недели,
Как сказку, ночной снегопад,
А думал, совсем невпопад,
О птицах, что к югу летели.
О птицах, что с юга летят...

ЗИМА

А за окнами — снег и тишь.
И на тысячи верст — зима.
Силуэты высоких крыш.
Снега белого кутерьма.

Одеваюсь в сених не спеша,
Здесь никто зимой не спешит.
Ни к чему не лежит душа,
Ни к кому душа не лежит.

Тихо кружится голова.
Мыслей катится снежный ком.
А сосед мой колет дрова,
Звонко тенькает топором.

Он-то ведает, что к чему,
И на все имеет ответ.
— Будь здоров, — говорю ему.
— Будь здоров, — отвечает сосед.

Вон запутался в проводах
Белой вьюги блестящий след —
Третьи сутки сидим впотьмах,
Ждем, когда же подключат свет.

Третий вечер сижу во мгле.
Отгудели дрова в печи,
И чуть теплится на стекле
И дрожит огонек свечи.

Сигареты струится дым,
И лиловый пепел застыл.
Я когда-то был молодым,
Я когда-то тебя любил.

Ветер что-то запел в трубе,
Улетая в ночную тьму.
Написать бы письмо тебе,
Да, наверное, ни к чему...

Ни к чему золу ворошить,
Прогорела уже дотла.
И задвижку пора закрыть —
Сохранить хоть немного тепла.

Завтра снова печь затоплю.
Мыслей снежный растает ком.
А собаку себе не куплю:
Слишком много хлопот со щенком.

А за окнами — снег да тишь.
И на тысячу верст — зима.
Силуэты высоких крыш.
Снега белого кутерьма.

СОЖАЛЕНИЕ

Однажды вдруг с горечью осознаешь,
 Что чего-то тебе уже никогда

не достичь,
 Чему-то уже никогда не научиться,
 Что из великого множества дорог,
 Лежавших перед тобой когда-то,
 Некоторые остались далеко позади
 И тебе уже никогда

по ним не проехать.

Я уже никогда не научусь рисовать
 Или, скажем, играть на скрипке,
 Никогда не стану летчиком
 Или капитаном дальнего плавания.

И хотя многое еще впереди,
 Становится обидно, что, выходя на
 перекресток,

Приходится выбирать одну дорогу,
 Когда бы хотелось пройти тремя...
 Вдобавок ко всему

мне теперь мешает спать

Шум деревьев,

которых я так и не посадил...

* * *

Вновь устав от жизни бестолковой,
Покидаю шумный Петроград —
Мир мой тополиный и кленовый,
Мой вишнево-яблоневый сад...

Поднимаюсь по крутым ступеням,
А вокруг такая тишина,
И таким таинственным свеченьем
Комната моя озарена.

Я вздохну немного виновато,
Но уже теперь, на склоне дня,
Кроме Бога и военкомата,
Нет теперь начальства у меня.

Подойду к окну — еще не поздно;
Сонный мир объемлет тишина.
Тихо зреют яблоки и звезды,
На ветвях качается луна.

Ничего теперь уже не надо...
Тихо шепчет влажная листва,
И плывут во мгле ночного сада
Русские, печальные слова...

* * *

Дай Бог тебе сильных врагов,
Которые злы и умны,
И пусть не тревожит их снов
Досадное чувство вины.

Быстрее не будешь идти,
Дорога не станет легка,
Когда одолеешь в пути
Какого-нибудь дурака.

* * *

Дрожащие тени ложатся
На светлые воды реки,
Опавшие листья кружатся,
Красивы, изящны, легки.

И пахнет так резко и странно
От свежей, промерзшей земли,
И в небе прозрачном, стеклянном
Чуть слышно звенят журавли.

И есть еще время до срока,
Когда загудят провода,
Когда поседеет осока,
Когда потемнеет вода.

* * *

Привычный путь до отчего порога.
Сложилось так, не знаю почему,
Куда бы ни вела меня дорога,
Я возвращался к дому своему.
К той улице привычной и обычной,
Где тополя чуть слышно шелестят,
Где пьяницы печальные привычно
С утра за пивом в очередь стоят.
И где ветхозаветные старухи
Судачат вечерами под окном,
И где стучит назойливо и глухо
По радио бесстрастный метроном.
Где все уже давным-давно известно,
Где все уже исчерпано до дна,
Где слышится одна и та же песня
Из каждого раскрытого окна.
Где в полутьме устало, неизбежно
Опять гремят ночные поезда,
Где светит, как последняя надежда,
Моя неугасимая звезда.

Из книги
*«СКОРБНЫЙ
СЛУХ»*

(до 2001 г.)

* * *

Который год нас бури носят.
Ужели нас оставил Бог?
А за окном — всё та же осень.
Застывший пруд. Забытый стог.

Курлычет, улетаая, стая.
Пустеет, опадая, сад...
А ночь такая же глухая,
Как много лет тому назад.

Поймешь, куда вели дороги,
Отринешь ветхих правил тлен,
Когда разверзнутся итоги
За мутной дымкой перемен.

И ты, печальный очевидец,
Поймешь — не ту открыли дверь...
Дурак ты или ясновидец —
Какая разница теперь.

* * *

Как много слов мы говорим подчас,
И думаем при этом мы едва ли,
Что, не расслышав вещей Божий глас,
Мы Бога в Русском Слове потеряли.

Не слушая друг друга, все кричат,
О правоте мечтая повсеместно.
Лишь нищие на паперти молчат,
А им, поверь мне, многое известно.

* * *

Места для боли в душе не осталось.
Пламя пожара в душе отметалось.
Нынче и пепел остыл.
Было Отечество. Было — и нету.
Ветер гуляет по белому свету
Между остывших светил.

Солнце светило. А нынче — не светит.
Может, хоть кто-нибудь это заметит —
Кто-нибудь, кроме меня?
Как закружились, змеясь и ликуя,
Едкого дыма лиловые струи,
Тусклые блики огня...

Господи, дай же им разум и силы,
Дай им очнуться у края могилы,
Пусть содрогнется земля!
Или лиши меня скорбного дара
Видеть зловещее пламя пожара
Над куполами Кремля.

* * *

Ты говоришь мне: "Будь спокоен".
Паренье, взлеты — суета...
Всяк смертный в жизни удостоен
Посильной тяжести креста.

На память выгучи уроки,
Постигни мудрость вечных книг,
Но раз отмерянные сроки
Нельзя продлить хотя б на миг.

Хоть вечно спор веди о главном,
Но прав не будешь никогда.
Смотри, как лист кружится плавно,
Как сонно плещется вода,

Как не спеша, несуетливо
Покрыла мир ночная мгла,
Как величаво, горделиво
Подперли небо купола,

Как лунный свет скользит по крышам,
Как дождь долбит унылый стих,
Как замолкает — тише, тише —
Дыханье улиц городских...

Ты говоришь мне: "Будь спокоен".
А я спокоен, как всегда...
Над вечным северным покоем
Мерцает вещая звезда.

* * *

Надежда умерла.
А мы живем.
Ни Родины. Ни памяти. Ни песен...
А ты твердишь, что стало интересно,
Что жизнь идет как будто на подъем...

Россия вся в витринах и витринках.
Всё в розницу — свобода, совесть,
честь.

Но рады и застолю на поминках,
Поскольку можно выпить и поесть.

У всех народов — праздники и будни.
У русских — только будни круглый год.
И тяжелей, надрывней, беспробудней
Пьет импортную горькую народ.

Наш календарь прекрасен был и тесен —
За Первомаем — снова Первомай,
Теперь уже ни поводов, ни песен,
А о былом — совсем не вспоминай.

Теперь другие времена и даты —
Отдельно для детей и для отцов.
Россия, Русь, куда ты мчишь, куда ты?
Остановись на миг в конце концов!

А мир вокруг — веселый и прекрасный,
И раз уж мы всю жизнь боролись зря,
Так выпьем, друг, уж если не за красный,
Так хоть за черный день календаря.

* * *

Лето настало. Сирень зацвела.
И устоялась погода.
Долго ждала, как покоя, тепла
Скорбная наша природа.

Зазеленели сады и леса,
Тянутся тонкие всходы.
И отразили в себе небеса
Озера светлые воды.

И постепенно развеялся мрак,
Силу листва набирает...
Только душа не проснется никак,
Не отойдет, не отгадет...

* * *

С годами пишется трудней.
С годами мыслится тревожней.
И в долгой веренице дней
Живешь не проще — осторожней.
Не потому, что жизнь сложна.
Не потому, что слово глуше...
Меня настигла тишина.
И я боюсь ее нарушить.

* * *

Жизнь моя — надежда и сомненье.
Словно зыбкий свет звезды во мгле.
Ворошу сгоревшие поленья,
Искры гаснут в стынущей золе.

Клонит в сон вечерняя усталость.
Электрички гулкий стук колес...
А кому-то ведь и эту малость
Получить при жизни не пришлось.

Лучшего уже и сам не чаю...
Тускло светит белая луна.
Покурю немного. Выпью чаю,
Прикорну у темного окна.

Но как только лишь глаза закрою,
Буду слышать — сам тому не рад, —
Как шумит июльской листвою
Вымерзший за эту зиму сад.

* * *

А была ли ты на самом деле,
В миг, когда исчезла навсегда,
Или просто птицы пролетели,
Прозвенела вешняя вода?

Словно бы натянутая ветром,
Зазвенит судьбы стальная нить,
Как портной заправский, метр за метром
Буду четко прошлое кроить...

И не то чтоб изменила память,
Просто быстро время пронеслось,
Просто очень многое с годами
Заново переживать пришлось.

Не осуждаю, не прошу
О счастье личном,
Я поздней осенью дышу
В саду больничном.

Теперь, когда ты далеко,
В чертогах Юга,
Я понял, как это легко —
Любить друг друга.

Забуду про тоску потерь,
Приняв лекарства.
За эти полчаса, поверь,
Отдам полцарства.

Пусть небосвод сегодня мглист,
Пусть хмарь глухая,
Как бабочка, осенний лист
Кружит, порхая.

Пускай в тумане тает даль
И лист кружится,
Пускай уносится печаль
Последней птицей.

* * *

В церковь ходим и крестим лбы,
Потому что боимся смерти,
Потому что боимся судьбы —
Непонятной ее круговерти.
От житейских уставши битв,
Скорбно Слову в храме внимаем
И родные слова молитв
С удивлением понимаем...
И на ощупь идя впотьмах,
В отрицанье не знаем меры,
И гнетет нас, сердешных, страх,
И в сердцах не хватает веры...

Вот и кончилась осень. И ладно.
От зимы дождались ответа.
Снег под утро выпал неожиданно.
Потерпи. Доживем до лета.

Пусть природы круговращенье
Не гнетет тебя, не пугает.
Ведь и жизнь наша все движенья
Вслед за ней не спеша повторяет.

Пусть вокруг дураки храбрятся,
Наше счастье и наши муки
Не спеша опять повторятся
В судьбах наших детей и внуков.

Ни к чему на судьбу обижаться.
Бесполезно винить друг друга
И не стоит нам вырываться
Из привычного этого круга.

* * *

И снова ваш спор о судьбе.
Но вязки земные дороги...
Что толку в пустой ворожке,
Коль нету ни слова о Боге.

Чего же хотите тогда,
Какого такого порядка?
Весь мир заливают вода
Неверия. Всё — без остатка.

Сотрет ускользящий век
Последние вехи и грани:
Кто к Ною взойдет на ковчег,
Кому подвернется "Титаник".

ЖИЗНЬ

Наш пароход вперед плывет
К заветной цели.
То полный ход, то задний ход —
Шторма да мели.

Все оставляем на потом,
И ждем, что вскоре...
А жизнь осталась за бортом —
Как море.

* * *

Опутано ложью полмира.
Не вырваться нам из цепей.
Все больше и больше кумиров
У Родины бедной моей.

О, сколько предсказано сроков!
Тускнеет звезда на челе.
Все больше и больше пророков
Идет по бесплодной земле.

Не пашут, не сеют, не полют,
Едят с аппетитом и пьют.
О, как они складно глаголют!
О, как они сладко поют!

Камней раскидали мы груды.
Поди их теперь собери!..
Но снова толкуют иуды
Про отблески новой зари...

Я бред этот слушать не стану.
Не стану я им возражать.
Пораньше сегодня я встану,
Поеду картошку сажать.

Как скромный, но знающий зритель
Молчу — и на мне есть вина, —
Но всем по заслугам Спаситель
Воздаст непременно сполна.

Наладится жизнь понемножку.
Вернется державная статья.
И время настанет картошку
По осени снова копать.

* * *

Молюсь исправно Богу. Но
Не вяжутся слова молитвы.
Душа — как будто поле битвы,
В ней все огнем опалено.

Горит в ночи моя свеча.
Казалось бы — читай, внимая,
Но, вещих слов не понимая,
Бросаю книгу сгоряча.

Но слышу — я еще не глух, —
Как тень звезды скользит по крыше.
Господь, верни мне скорбный слух,
Чтоб сам себя я смог услышать.

* * *

Морозы грянули. Крещение.
Озябли птицы и слова.
У Господа прошу прощенья
Под сводом храма Рождества.

Здесь не обдумывают речи.
Здесь и покой, и тишина.
Мерцая, тускло тают свечи,
Как непощеная вина.

Как тяжек груз грехов незримый,
В запасе — годы или дни?
Расплата ждет неумолимо —
Спаси, прости и сохрани...

На паперти сидит старуха,
Прохожий сумрачный идет..
Пусть благодать Святого Духа
На нас, сердешных, снизойдет...

* * *

Так повелось уж на Руси —
В года напасти
Молили: Господи, спаси,
Ругали власти

И ждали доброго царя,
И ждали чуда.
И ждал, огнем греха горя,
Свой час Иуда.

И поднимался супостат,
Сгущались тучи,
Но все молили — стар и млад —
О жизни лучшей.

Теперь иные времена,
Но те же нравы.
Опять низвергнута страна
В поток кровавый,

Опять надежда и тщета,
И безземелье.
В домах и душах — нищета,
В башках — похмелье.

И в бездну тысяча чертей
Россию тащат...
Но раньше все-таки детей
Рожали чаще,

И так же пусть гремит гроза,
Но утром рано
Мерцали в доме образа,
А не экраны,

Не всякий знал и в те года
К любви дорогу,
Но каждый грешник был тогда
Поближе к Богу.

* * *

Свадьбы. Дни рождения. Крестины...
Так привычно начинался путь.
Нынче лишь одни сороковины
Не давали мне передохнуть.

У часовни новой на кладбище
Сколько раз за этот год стою.
Провожая тихо, словно нищий,
Скорбным взглядом молодость свою.

Вот друзьям моим приходят сроки.
День грядущий не видать во мгле.
Годы скуки, склоки и мороки
Клонят ниже к матушке-земле.

Все смешалось — счастье и невзгоды,
За туманной гранью бытия
В зеркале изменчивой природы
Сам себя узнаю вряд ли я...

Дни мои продли, Господь, на свете,
Сохрани, прошу, от долгих мук,
Дай увидеть, как родные дети
Заново начнут извечный круг,

Чтобы, осень жизни принимая,
Гроздь рябины жадно сжав в горсти,
Журавлей последних провожая,
Мне покой и веру обрести...

* * *

Кружась во Всемирном потоке,
Мечтали достичь высоты,
Хотели пожить, как в Европе,
Разинули, глупые, рты.

А все обернулось иначе —
В привычной сумятице дней
Богатые — стали богаче,
А бедные — стали бедней.

Как крепко засела в народе
Премудрость прошедших веков,
О братстве мечта и свободе —
Извечный удел дураков.

Как будто о нас, идиотах,
Болит у француза душа...
Теперь на иных оборотах
Телега скрипит не спеша.

Печалиться, впрочем, не надо.
Виновных не стоит пороть,
Бредущее медленно стадо
Пока не оставил Господь.

* * *

В суете уходящего века
Вдруг очнешься от тщетных забот —
Не забыл ли Господь человека
Да и весь человеческий род?

С нами надо, конечно, построже,
Ведь давно, в суете мельтеша,
Позабыло творение Божье
Место, где обитает душа.

Всё торопимся: делаем дело,
В пустословье коверкая речь,
Что там душу — и брненное тело
Не умеем от скверны сберечь.

Свято веруем — всё будет лучше.
И скользим невозвратно ко дну.
Ох, как близко, Господь всемогущий,
Подпускаешь Ты к нам сатану.

В круговерти, заверченной бесом,
Не встречаем родного лица,
Все бежим по дороге прогресса,
А дороге не видно конца...

Твои костры горят далече.
Звезда пронзила небосвод.
На месте нашей давней встречи
Заводят бесы хоровод.

Они прилежны и пригожи,
Имеют человеческий вид,
Они на ангелов похожи,
Но выдает их стук копыт.

И, преодолевая муку,
Тебе, летящему ко дну,
Через века сомнений руку
Минувшей дружбы протяну.

Еще не кончена дорога,
Душа отринет боль и страх,
Когда застынет имя Бога
В твоих немеющих устах.

Жизнь — работа. И перечень дел.
Нет привычным заботам предела.
Не заметишь, как сын повзрослел.
Не заметишь, как мать постарела.

О земном суетясь и скорбя,
Не заметишь, как сердце остынет.
Хоть мгновенье оставь для себя
В мире зависти, скорби, гордыни.

Но отсчитаны сроки уже,
Бестолково петляет дорога.
В переполненной мглою душе
Места нет для покоя и Бога.

Очнешься от шумных застолий,
Где праздная чарка горчит,
Услышишь, как в стынущем поле
Полуночи птица кричит.

Крылами забьется тревога,
В реке почернеет вода,
И тенью судьбы у порога
Застынет чужая беда.

Но что нам чужие утраты,
В разгаре неистовый пир,
Не ведая страха расплаты,
Безумствует суетный мир.

Я в этом веселии лишний,
И, мучась, опять и опять
За что нас карает Всевышний —
Стараюсь в смятенье понять,

Ведь скоро глухие метели
Закружат чужие слова,
И скоро нас в прах перемелют
Эпохи иной жернова.

Молчу я. И нет мне ответа.
И сердце устало стучит,
И утренняя сигарета
Во рту непривычно горчит.

* * *

Он шел толпе наперекор
И, выйдя из водоворота,
Перекрестясь, зашел в собор,
Прикрыв тяжелые ворота.

И отступила темнота,
На паперти застыли тени,
Он встал пред образом Христа
И опустил на колени.

Кто был он — мытарь или вор?
Просил прощения? Покая?
Но всем чертям наперекор
Крестился правою рукою...

Он слов молитвы не учил,
Но все же как-то изъяснялся,
И отблеск от его свечи
Под самым куполом метался.

Он вышел, осенью дыша,
И, деньги раздавая нищим,
На миг почувствовал — душа
Затеplилась на пепелище.

Так, преодолевая тьму,
Он утолил свои печали.
И нищие вослед ему:
"Храни Господь тебя!" — кричали.

* * *

Стихи писали километрами,
А издавали — килограммами...
Когда-то восседали мэтрами,
Теперь закусывают с хамами.

Когда-то числились учеными,
Чьим очень дорожили мнением,
Но ложь, однажды изреченная,
Теперь карается забвением.

А я живу в своей безвестности,
Хоть тяжелей с годами пишется.
Иду пересеченной местностью
И мне легко, как прежде, дышится.

* * *

Тяжеловесная луна
Плывет над миром,
И спит усталая страна
В величье сиром.

Своей не ведая судьбы,
В цветной пижаме,
С рабами вместе спят рабы,
Вожди — с вождями.

Успокоение таят
Объятья ночи.
В конюшне лошади стоят,
Сомкнувши очи.

Застыли тени на стене,
Заснули птицы,
Похоже, что лишь только мне
Еще не спится.

Как будто это только я
Предвижу даты,
Неотвратимость бытия
И час расплаты.

В бане пахнет мелиссой и мятой,
Лист березовый мягко шуршит.
Только жара еще маловато
Для озябшей от жизни души.

Камни светятся спелой малиной,
Пар окутает мягко полок,
И как будто бы духом незримым
Наполняется банный чертог.

А в предбаннике — водка, закуски,
Я один в деревенской глуши,
Вот теперь я действительно русский
Во всю ширь разомлевшей души.

Вот теперь все легко и привычно,
И пора не печалиться — жить,
И "полтинничком" водки "Столичной"
Все сомненья души осадить.

СТАРАЯ ЛАДОГА

Молчат над Волховом курганы.
Былинный ворон чертит высь.
Страстей вселенских ураганы
Давно в могилах улеглись.

Смотрю, как волховские волны
Стремятся в ладожский простор,
И глупым кажется, никчемным
Любой серьезный разговор.

Что наши страсти и сомненья?
Пустопорожние слова...
Склоняется без сожаленья
Под ветром летняя трава.

Сжимая памяти обмылок,
Бреду, молитвою храним...
И вечность дышит мне в затылок
Немым язычеством своим.

* * *

Исчерпан февраль без остатка
До самых последних снегов,
Слабеет привычная хватка
Звонящих морозных оков.

Лишь солнце пригреет — синицы
Поднимут неистовый гам,
И отблеск лучей заискрится,
Скользя по лиловым снегам...

Но это — лишь завтра. А ныне —
Промерзшие клочья небес.
И стонет под ветром и стынет
Не к сроку разбуженный лес.

Из книги

«ДВЕ РЕКИ»

(2004 г.)

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Со дня рожденья и по смертный час
Приставлен ангел к каждому из нас.
Он нас хранит от горя и от бед,
На протяжении беспутных лет.
Он нас хранит и молится с небес,
Чтоб наши души не похитил бес,
И даже под покровом тишины
Следит, чтоб не украли наши сны...
А мы живем бездумно и грешим,
И вечностью своей не дорожим,
Не думаем, что может грянуть час,
Когда он навсегда оставит нас.
Покинув утомительный свой пост,
Он воспарит среди погасших звезд.
Взметнутся два спасительных крыла,
И навсегда тебя ослепит мгла.

* * *

Была когда-то Родина. А ныне
В своей стране живу, как на чужбине,
Где дикторы с акцентом говорят,
Где исчезает человечность быта,
Где состраданье напрочь позабыто,
Где вывески английские горят.

Мы прошлого и будущего дети.
Но даже за себя мы не в ответе,
Не то что за народ и за страну,
Мечтали о любви, о тихом счастье
И с треском очутились в настоящем,
Как крест чужой, неся свою вину.

Наверное, старею год от года.
Виной тому не время, а природа —
Она, как ни крути, берет своё.
Но, собирая прошлое по крохам,
Я все же остаюсь в своей эпохе,
Где Дух определяет Бытие.

Учись довольствоваться малым,
Иначе — просто не прожить.
Привычкой, словно ритуалом,
Умей особо дорожить.

В эпоху суеты и смуты
Плыви с течением реки,
Цени часы. Считай минуты.
Покой душевный береги.

В водовороте модных мнений
С потоком мутным не кружись,
Не будь в плену чужих сомнений,
Почаще Господу молись.

Иди вперед своей дорогой
Без суеты и не спеша.
И помни лишь одно — для Бога
Твоя бессмертная душа.

* * *

"Умом Россию не понять..."

Ф. Тютчев

И флаг у нас теперь, и гимн.
С геральдикой решили тоже.
А вот с Отечеством самим
Не получается, похоже.

Все в мире — сами по себе.
И свой шесток — всего дороже,
А мы в неистовой борьбе
Хотим все время быть похожи.

И во вселенской суете
Переменяем все наряды...
Но мир не тот. И мы не те.
И нам давно нигде не рады.

Пурги безверья не унять.
Нет ни желания, ни воли.
Умом Россию не понять,
А если нет ума — тем боле...

В морозном вихре даль видна.
Куда летит, куда несется
Та незнакомая страна,
Что нынче Родиной зовется?

В хитросплетении дорог
Забудь условность ветхих правил,
Молись, чтоб милосердный Бог
Нас вразумил и не оставил.

ДУХОВ ДЕНЬ

Как в предчувствии скорой беды,
Шевельнется тревога змеєю:
Человек состоит из воды,
А когда-нибудь станет землею.

Жизнь промчится — исполнится срок.
Будет имя твое позабыто.
И развеются прах и песок
И от мрамора, и от гранита.

Все земные законы круша,
Время мчится, сметая преграды...
Но бессмертной пребудет душа.
Вот о ней-то подумать и надо.

На разочарования — плюнь.
Жизнь проходит — и что тут такого...
Скоро Троица. Праздник. Июнь.
День Сошествия Духа Святого.

* * *

Не ощущаем, как когда-то,
Во всём — присутствие Творца.
В эпоху хамства и разврата
Живем в преддверии конца.

Не зная ни причин, ни сроков,
Охотно верим в миражи.
И слушая чужих пророков,
Купаемся в потоках лжи.

Бежим за сумрачной столицей,
Которую попутал бес,
И ждем заморских инвестиций,
Как раньше жаждали чудес.

* * *

Мгновеньем надо дорожить,
А не оплакивать потери.
Все ждем. А надо бы спешить —
Не много нам Господь отмерил.

Распахнуты в рассветной мгле
Врата небесного чертога.
А мы все тщетно ищем Бога
На этой суетной земле.

* * *

Похоронив отца и мать,
Тогда не ощутил сиротства.
У молодости превосходство —
Без слез беду воспринимать.

Привычной чередой потерь
Привык вносить за счастье плату.
Так отчего же вдруг теперь
Былую ощутил утрату?

Мне снится мать. И смех отца
Доносит шум ветров далекий...
Ужели своего конца
Незримо ощущаю сроки?

Об этом думать не хочу.
И в пустоте дневного храма
Затеплю желтую свечу
И помяну отца и маму,

И воспарит душа, легка,
И зашумит листвою лето,
И памяти моей река
Несет меня навстречу свету.

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА

13 апреля 2001 года

Страстная Пятница. Апрель.
Молчат колокола.
А на дворе — метет метель,
Весь мир объяла мгла.

Летит и тает мокрый снег,
И сквозь метель и грязь
Бежит усталый человек,
Тростинкой наклонясь.

Спешит сквозь непогоду в храм
Успеть. Хоть раз в году.
А в мире торжествует хам,
Что с бесами в ладу.

Такие вот дела вокруг,
И что ни говори,
Не разомкнут греховный круг
Премьеры и цари.

Страстная Пятница. Апрель.
Весь мир окутал мрак.
А на дворе метет метель,
Весной. Как Божий знак.

Времен минувших непогодь,
Последних дней лимит...
Предупреждает нас Господь,
Да всё не вразумит.

* * *

Е. Бочкареву

Чайки белокрылые кричали,
У детей хватали хлеб из рук.
Пароход, как молодость, отчалил
От причала будущих разлук.

Над кормою вострепнулись флаги,
За волной волна пошла легка,
Словно из оберточной бумаги
На ветру трепещут облака.

Гул вокзала глуше, еле слышен,
Солнце тихо катится в зенит,
Мне никто сегодня не напишет
И никто уже не позвонит.

Никому теперь уже не нужен
Для преодоления рубежей.
Пусть теперь тоска меня окружит
Деревянным кружевом Кижей.

Буду водку с другом пить в буфете,
Буду слушать, как шумит вода,
Веря, что на этом белом свете
Не был я счастливей никогда.

Нам всем конец? Не верю!
Рассеется мираж...
Крадущемуся зверю
Читаю "Отче Наш".

Пусть я еще не знаю
Ни правил, ни основ,
Но он-то понимает
Значенье вещей слов.

Погаснут светила в полуночный час,
В преддверьи крушенья эпохи —
Они пожалеют, что тронули нас,
Что песню прервали на вздохе.

Струится забвения лунная пыль,
Опустится сумрак бездонный,
Огнем погребальным взметнется ковыль
Над Родиной снежной и сонной.

Судивший нас — с нами во мрак
снизойдет.

Кровавой напившись свободы.
Сомкнется над нами бессмертия лед,
Застынут мятежные своды.

Но снова заплещется веры вода
В глазницах пустых океана.
Истлеют, рассыплются в прах невода,
Развеются клочья тумана.

И в страхе изыдет полуденный бес,
И спустится Ангел с высоких небес.

* * *

Вот наконец-то и зима.
Трещат дрова в печи.
И звездных искр кутерьма
В редеющей ночи.

И слышно в лунной тишине,
Как тихо снег пошел...
Никто не вспомнит обо мне —
И это хорошо.

* * *

Всё выше, и выше, и выше —
Сумели себя побороть.
Но только всё видит и слышит
Всегда Милосердный Господь.

Всё проще, и проще, и проще
Становятся мысли и сны.
Шумят облетевшие рощи
Когда-то великой страны.

Всё больше, и больше, и больше
Берет ненасытный сосед —
Уменьшимся скоро до Польши,
А после — и вовсе на нет.

Всё хуже, и хуже, и хуже
Живет мой полуночный край.
Всё уже, и уже, и уже
Дорога, ведущая в рай.

* * *

Пусть на дворе еще зима,
В моем краю привычно это.
Морозы. Снега кутерьма.
А ночью — ночью снится лето.

Жара. Спасительная тень
Не шелохнется надо мною,
Уже подряд который день
Я упиваюсь тишиною.

Уже который день подряд
Не слышу глупых разговоров.
Наполнен яблоневый сад
Дыханьем ладожских просторов.

И ты, как будто наяву,
Опять ко мне с крыльца спустилась.
Упало яблоко в траву
И покатилося...

* * *

Украшена огнями елка —
Готовы к празднику давно
В том доме, на краю поселка,
Где тускло светится окно.

Забуду расставаний муки,
И пусть душа наивно лжет —
От суеты и от разлуки
Судьба меня не бережет.

И вновь, как прежде, в тусклый вечер
Мне возвращенье предстоит,
И вновь, как прежде, снежный ветер,
Смеясь, вдогонку засвистит.

Мне одиночество знакомо.
А ваша дружба — ни к чему.
И я спешу навстречу дому
Единственному, своему,

Где пахнет жареной картошкой,
Где стынет чайник на плите,
Где жизнь проходит понемножку
В предновогодней суете.

* * *

Хотелось жить легко, красиво,
Сверкать, как факел на ветру.
Хотелось славы, словно пива
Холодненького поутру.

Потом куда-то всё пропало
И пообветрилось слегка,
Привычным и обычным стало,
Как эта рюмка коньяка.

Вьюги катятся с Ямала
Прямо к устью Иртыша...
Начинаю жизнь с начала,
Примеряясь, не спеша.

Суета иного мира,
Снег летит со всех сторон...
Всё казенное — квартира,
Мебель, кухня, телефон.

Лампа и комплект постельный —
По реестру бытиё.
Лишь душа да крест нательный
Всё имущество моё...

Я молюсь исправно Богу
И бреду сквозь непогодь.
Основательно в дорогу
Снарядил меня Господь...

Растаял след инверсионный
В пустых, прозрачных небесах,
Гул самолета отдаленный
Затих в синеющих лесах.

И потревоженные дали
Опять застынут на века,
Без устали и без печали
Под ними в даль стремится река.

И ты, измученный сомнением
Во мраке лживой суеты,
Застынешь в скорбном изумлении
От величавой простоты.

И если есть на свете вечность,
То выглядит она такой —
Сияющая бесконечность
Над бронзовеющей рекой.

ПРУД

Дней суетливых череда
Сплелась цепочкой длиною,
Жизнь застоялась, как вода
В пруду, заросшем тиною.

Кусты ракиты там и тут
Листвой шуршат украдкою,
Ничто не потревожит пруд,
Его поверхность гладкую.

Друзья уснули и враги.
Кругом покой немеющий...
Брось камень — не пойдут круги
По глади зеленеющей.

Храни тоску. Цени покой
И верь лишь в настоящее,
И мни сквозь сон себя рекой,
К морским волнам спешащею.

РИМ

Рокочет недовольная река.
На берегу в песке играют дети...
В душе гудят минувшие века,
И на моих сандалях пыль столетий.

Я вечность эту вижу наяву.
Устал от зрелищ. И наелся хлеба.
Рим пал давно. А я еще живу
И, радуясь, гляжу на это небо.

АФОН

Молитвы тихие слова
И колокольный звон,
И доносящийся едва
Чуть слышный шелест волн.

Скупые отблески зари,
Светлеющий простор,
И в облаках — монастыри,
Как силуэты гор.

Сиянье древнее икон,
Мерцание лампад.
Один завет, один закон
На много лет подряд.

Смахну беспамятства слезу
Тяжелою рукой,
Домой с Афона привезу
Надежду и покой.

Я на мгновенье был спасен
В невежестве своем,
В туманной дымке вознесен
Над смрадным бытием.

Извечной мудрости ответ
Получен мной уже,
Он, как звезды далекий свет,
Чуть теплится в душе.

* * *

В Лондоне, конечно, жить неплохо.
Жизнь кипит повсюду до зари.
Многоликий и веселый Сохо
Яркие развесил фонари.

В декабре не нужен здесь и свитер,
Но, кичась величием своим,
Все померзли б, если бы на Питер
Развернулся сказочный Гольфстрим.

А в моем Отечестве тоскливо,
Ничего хорошего не ждем.
Только бабки да крутая ксива,
Только сумрак, только снег с дождем.

Заржавели грозные ракеты.
Продан флот. Зажарен соловей.
Но гордиться буду и балетом,
Думая о Родине своей.

Нет в душе ни боли, ни злорадства.
Не злоблюсь и мести не таю...
Помолюсь в Вестминстерском аббатстве
За Россию бедную мою.

В МИРРАХ ЛИКИЙСКИХ

Как только заполющется рассвет —
Уже кричат о чем-то муэдзины.
Здесь жили греки, а теперь их нет.
Лишь храма православного руины.

Заботливой турецкою рукой
Посажен сад. Расчищена площадка.
Вокруг царят довольство и покой
И чистота музейного порядка.

Едва заметна от пожаров гарь.
Улыбчивы и добродушны лица.
Вас проведут и в церковь, и в алтарь,
Покажут опустевшие гробницы.

Но отчего в мерцании ночей
Тревогою наполнены молитвы?
И слышится суровый звон мечей,
И не стихает гул далекой битвы...

Луна. Песок. Собак унылый лай.
Затихло море и пуста дорога.
Молись о нас, Святитель Николай,
Проси за нас прощенья у Бога.

* * *

Безнадежно устав от прогресса,
От вселенских дорог вдалеке,
Золоченым сентябрьским лесом
Выйду к утренней тихой реке.

Тяжелы ее синие воды.
От далеких полуночных стран
По велению вечной природы
Волны катит река в океан.

В белый лед превратится движенье.
Шум застынет в полярной тиши.
Будет русло меняться. Но время
Не остудит движенья души.

Под громадой застывшего льда
Будет вечно струиться вода.

* * *

С зимой, похоже, всё в порядке,
Морозец спал. Снежок парит.
И по ночам на стройплощадках
Ханты-Мансийска свет горит.

Фасады высятся вальяжно
Над среднерусской суетой,
И город мой разноэтажный
Летит над сумрачной тщетой.

Когда-нибудь опять великой
Россия будет. А пока
Голубоглазые таджики
Нам строят счастье на века.

Не знают русский поголовно,
Не граждане и не бичи,
Неторопливо и неровно
Кладут ребята кирпичи...

Умы давно поистожились...
Теперь вот не хватает рук...
Когда ж Господь явит нам милость —
Освободит от вечных мук?

Законы вечные природы
Не отменить. Не осмеять.
Другие, видимо, народы
Россию будут населять.

Печальна участь человечья,
Уйдем, неся свою вину.
И незнакомые наречья
Нарушат храмов тишину.

НОВЫЙ ГОД НА ДАЧЕ

Январь. Зима на белом свете.
Давно убрали со стола.
Унес во мрак колючий ветер
Мои сомненья и дела.

В минуты редкие досуга
Топлю камин и пью коньяк.
А за окном январским вьюга
Не успокоится никак.

Собака лает. Мерзнут звезды.
Немая ночь и тут и там.
Сосед приедет в гости поздно
И сразу выпьет двести грамм.

Огонь шумит легко и споро:
То заурчит, то заворчит,
Предпочитаем разговорам
Молчание в глухой ночи.

Зачем слова? И так все ясно.
Тепло. Светло. И жизнь прекрасна.
Но жаль, что очень коротка,
Как эта рюмка коньяка.

* * *

Избавленный от мелочных забот,
Он пребывал в безволии и неге.
Стоял июль. А он мечтал о снеге
И о сугробах белых у ворот.

Под сенью сосен плавилась жара.
Густели небеса остекленело.
Он жарко баню истопил с утра
И парился, покуда не стемнело.

Уголья тускло плавилась в ночи,
Томясь, как переполненные соты,
И было слышно в сумрачной ночи,
Как пролетают в небе самолеты.

Чуть слышен гул. И вот пропал уже.
И лишь сомненье смутное осталось.
И так спокойно было на душе,
Как будто жизнь еще не начиналась.

* * *

На всех — и сытых и голодных —
Одно и то же, хоть ты плачь, —
Убожество журналов модных
И тупость телепередач.

И верит каждый — как иначе? —
И в справедливость, и в прогресс,
И вся держава хором плачет
Над гибелью чужих принцесс.

Все одинаково угрюмы.
И на просторах всей страны
На всех — одни и те же думы,
У всех — одни и те же сны.

Как тихо в нашем околотке.
Я времени не тороплю.
С устатку выпью рюмку водки.
Неспешно баню протоплю.

В глубинах мысли проплывая,
Я отклонюсь от косяка,
Смотря, как молча рыба стая
Заходит в сети рыбака.

МОЖЖЕВЕЛОВАЯ РОЩА

Не выходит всё же жить попроще,
Но на день отрину бытиё.
Здравствуй, можжевеловая роща,
Светлое пристанище моё!

Высоки над Ладогой закаты,
Чайки полыхают на лету,
И стоят деревья, как солдаты,
Охраняя эту красоту.

Птицы беспокойные умолкли,
Я иду легко, травы не мну,
Глажу изумрудные иголки
И боюсь нарушить тишину.

Вечер, как дождем промыт, прозрачен,
Профильтрован он сквозь изумруд,
Но смотрю — под будущие дачи
Кольшки забиты там и тут.

Там и тут размерено пространство,
Тут и там проложена межа,
Делят Богом данное пространство,
Режут мою рощу без ножа.

Дом воткнут. Насадят огороды,
Сотворят казарменный уют
И творенье дивное природы
За полгода насмерть изведут.

И погаснут дивные закаты,
И охватит мир глухая мгла,
И согнутся стройные солдаты,
Проржавев, осыплется игла...

Красота спасет — чего уж проще,
Но молю, чтоб милосердный Бог
Эту можжевелевую рощу
От людей безумных уберег.

НЕМЯТОВО

Б. Матвееву

Утром — в порядке давленье,
Значит — лекарства не пить.
Новое стихотворенье
Можно к обеду слепить.

К Ладоге выйти, как к морю,
Воздух бодрящий вдохнуть,
В гости к веселому Боре
На шашлычок заглянуть.

Боря, хоть лыка не вяжет,
Валенки тут же обул.
Гостю подробно расскажет
Про Кандагар и Кабул.

Гений любви и злодейства,
Мелких и нудных интриг,
Он — генерал лицедейства,
Тайный и важный "стратиг".

Как я люблю эти встречи!
Сети. Рыбацкий баркас.
Солнечный ладожский вечер.
Пьянство, живущее в нас...

И воспарят над бедою
Красный закат вдалеке,
Церковь над синей водою,
Баня на желтом песке.

Вечность и бренность в стакане,
Но устоим в непогоду,
Пусть нас удача обманет,
Все же не выдаст Господь.

Сложно все в жизни. И просто.
Господи, боже ты мой,
В сумерках мимо погоста
Я возвращаюсь домой.

Мимо вселенского мрака,
В пепле сгоревшего дня
В дом, где жена и собака
Ждут с нетерпением меня.

* * *

Какая осень! После бани
С устатку выпью двести грамм.
Пора, пора готовить сани,
Пора готовиться к снегам.

Поверишь — целый день в заботах,
Так, что кружится голова —
Покрасил заново ворота,
С размахом напил дрова,

Сушу грибы, варю варенье
И не боюсь пропасть во тьме.
Готовлюсь, не спеша, к забвенью,
Как к продолжительной зиме.

* * *

Скоро мы оставим мир подлунный,
Чтоб потом преданиями стать...
Всё равно мне — готы или гунны
Будут эти земли населять.

Птица пролетит легко, беспечно,
Зазвенит в ручье лесном вода,
Многое останется навечно,
Многое исчезнет навсегда.

Здесь же всё останется, как было,
Это небо, роща и река,
Это многоликое светило,
Эти грозовые облака.

Не решай судьбу иных столетий,
Не гадай о будущем в тоске,
Слушай, как степной полынный ветер
Говорит на русском языке.

РОЖДЕСТВО

В церкви тихо. За окнами синими
Хлопья снега неспешно летящего,
В серебристо-березовом инее
Очертания города спящего.

Снегири, как шары новогодние,
Украшают столетние ели,
И сомненья тревожат — сегодня ли
Вдруг отступятся злые метели?

И рассеется вьюга вселенская,
И застынет, притихнув, природа,
И зажжется звезда Вифлеемская,
Озарив полумрак небосвода.

Из задуманной книги
*«ГЕОГРАФИЯ
ДУШИ»*
(1988 г.)

* * *

Говорите, пожалуйста, тише —
Наступает торжественный час,
И луна, опускаясь за крыши,
С удивлением смотрит на нас.

Как мучительно долго светает,
Но прозрачней становится мгла,
И, уже задымив, угасают
Фонари от угла до угла.

Розовеют покатые крыши,
Вот заплачу от счастья сейчас...
Говорите, пожалуйста, тише,
Все равно я не слушаю вас.

ВДОХНОВЕНИЕ

Шум на кухне — звон посуды,
Где-то прогремел трамвай,
Бабы суды-пересуды
За окном — хоть закрывай!
Черт возьми! Нельзя ли тише?
Как работать? Как писать?
Кто там бегаёт по крыше?!
Прекратите грохотать!
Что за дьявольское лето!
Шум и крики за окном,
И лишь в полночь, до рассвета,
Затихает старый дом.
Я вздыхаю облегченно —
В этой чуткой тишине
Поработать увлеченно
Помешают вряд ли мне.
Ерунды писать не буду!
Ночь застыла за окном...

Я пишу про звон посуды,
Про трамвай, про старый дом...

* * *

Ни на кого не обижаясь,
Не презирая никого,
Я постепенно приближаюсь
К порогу счастья своего.

Кому-то в сотый раз поверив,
Кого-то в сотый раз простив,
Я открываю тихо двери,
О разрешеньи не спросив,

А за дверями, как и прежде,
Друзей услышу голоса,
И корабли моей надежды
Поднимут снова паруса,

И чайки кружатся в тумане,
Который тает, словно дым,
И я не верю, что обманут
Воображением своим...

* * *

Потянуло холодком
Из пустого сада,
Под искрящимся ледком
Черная ограда.

Вижу — журавли летят,
Слышу крик печальный.
И застыл осенний сад,
Как дворец хрустальный.

* * *

В. Наумову

За окном — всё крыши, крыши, крыши,
А вдали — горит в закате сад.
Слышишь этот шорох тихий, слышишь?
Это листья желтые летят.

Пролетают мимо, мимо, мимо,
Как листки моих календарей,
И уходят так неумолимо
Дни беспечной юности моей.

Что мне это лето, лето, лето,
Скоро ляжет мягко первый снег.
Жизнь, не мною начатая где-то,
Продолжает свой прекрасный бег.

РОМАНС

Не мог уснуть. И десять раз
До ста считал уже.
В дождливый час,
В полночный час
Тревожно на душе.

И я не знаю — что к чему,
Не знаю, что со мной.
Наверно, дождь виной всему,
Да, он всему виной.

Вот дождь по крышам прошуршал,
Порывом ветра смят,
Вот осторожно пробежал
Через озябший сад...

Ночные улицы тихи,
И за окном темно.
Пусть смоем дождь мои грехи
С твоими заодно.

БАЛЛАДА О СКРИПКЕ

Смотрю, как мальчишка со скрипкой,
Сутулясь, идет впереди,
С какой-то счастливой улыбкой
Футляр прижимая к груди.

Кто — джинсы, кто — пиво, кто — лыжи.
А кто-то — совсем ничего.
Ему же лишь музыка ближе
И, может, нужнее всего.

И, может быть, необходимо,
Чтоб кто-то, про все позабыв,
Наигрывал неуловимый,
Еще не окрепший мотив,

Чтоб тайная музыка зрела,
Отринув мятущийся страх...
Чтоб скрипка звучала, звенела
В еще не окрепших руках.

* * *

Ночью в город приходит весна.
Спят канала свинцовые воды,
Но, очнувшись от долгого сна,
Пробуждаются силы природы.

Тает снег. И светлей вечера.
Суетятся веселые птицы.
У случайных прохожих вчера
Просветлели усталые лица.

Отчего же, скажи мне, друг мой,
В эти дни голубого апреля
Я теряю последний покой,
Становлюсь нетерпимей и злее?

Отчего же, скажи, иногда
Больно так от веселья чужого?
Отчего же внезапно тогда
Так бессильны и чувство, и слово?

Но когда заслоняют уже
Все на свете лихие печали,
Тихо музыка в стылой душе
Прозвучит, как в покинутом зале...

Остальное — не всё ли равно?
Остального — не вижу, не слышу...
Опускаюсь на самое дно,
Поднимаюсь всё выше и выше...

* * *

Есть нечто меньше, чем любовь;
Но нечто больше, чем усталость,
Когда считаешь вновь и вновь,
Как мало дней тебе осталось.

Неразрешимостью томим,
Воспринимаешь все иначе,
И одиночеством своим
Не удручен, но озадачен...

Когда темнеют небеса
И различимее детали,
Когда знакомые глаза
Полны надежды и печали.

КАДРЫ КИНОХРОНИКИ

Пленных немцев ведут по столице,
Офицеров ведут и солдат.
Я смотрю в их застывшие лица,
Вижу каждый затравленный взгляд.
Исподлобья глядят осторожно
И не ведают, что впереди...
Рядом — мать молодая тревожно
Прижимает ребенка к груди,
Мальчик смотрит светло и серьезно
На притихший и солнечный мир,
И пытается выглядеть грозно
Улыбающийся конвоир.

ЦИРК МОЕГО ДЕТСТВА

Как прекрасно всё было вокруг!
И соседей счастливые лица,
И арены сверкающий круг,
Где ученые звери и птицы!

О таинственные миражи!
Но как был преисполнен отваги
Тот факир, поглощавший ножи
И стальные блестящие шпаги...

Лишь взмахнет рукавами факир,
Птицы вдруг вылетают оттуда,
И был этот загадочный мир
Воплощением света и чуда.

Но решив показать, что и как,
Чтобы публика вновь не скучнела,
Он раскрыл свои тайны, да так
Откровенно, искусно, умело,

Что восторг преисполнил сердца
Всех сидящих в восторженном зале,
Ведь такого, признаться, конца
Они, в общем-то, не ожидали.

Ну, а мне бы не видеть того.
Подступила вдруг к горлу обида.
Я крепился, твердил: "Ничего..." —
Не подав ни малейшего вида.

С затаенной обидой в душе
Я домой возвращался оттуда,
С той поры и доньше уже
Не живу предвкушением чуда.

Догорая, мерцают огни,
И тускнеют лазурные краски...
Миновали прекрасные дни,
Где я жил ожиданием сказки.

* * *

Крадучись вползает в дом беда.
Скрипнет дверь. Очнешься на рассвете —
Так сложилось, видно, что всегда
Ты один, за всё один в ответе.

И опять — никто не виноват.
Да и что чужой виной искупишь?
Ни тюрьма, ни золото наград
Не спасут погибнувшие души.

И закон один — живому жить,
Не меняя сути до могилы...
Лишь одно спасение — простить,
Да на это не хватает силы.

БАЛЛАДА О ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СЕТКЕ

Походкой немного нетвердой,
Храня независимый вид,
По улице шествует гордо
Минувшей войны инвалид.

И обыкновенная сетка
В руках огрубевших его —
Теперь уж на улице редко
С такой повстречаешь кого.

Примета минувшего быта!
Мы стали тебя забывать.
Все было легко и открыто,
И нечего было скрывать...

Теперь уж не переиначим
Минувших, сокрывшихся дней,
Где жили не то чтоб иначе,
Но все-таки как-то дружней...

Опять твоя сумка забита
До самых высоких краев,
Пейзажем заморским сокрыто
Бездонное чрево ее...

ПИСЬМО

А по ночам здесь тишина,
Лишь сосен шум да гул прибоя.
И фонаря на пол-окна
Мерцанье бледно-голубое.

Я буду месяц изнывать
От неподвижной пляжной скуки.
Я буду долго забывать
Твое лицо, глаза и руки...

Звенит ночная тишина.
Далеко слышен гул залива.
Тяжеловесная луна
Задумчива и молчалива.

Довольно истины одной,
Чтоб жить счастливо и беспечно:
Ничто не вечно под луной,
Да и луна сама не вечна.

Всё встанет на свои места...
Как просто всё, но слишком поздно.
А высь безбрежна и чиста,
И только ярко светят звезды...

Пишу — всё будет хорошо,
А всё давным-давно прошло.

В СОБОРЕ СВ. ВИТТА

Туристы случайные ходят,
Смеясь, удивляясь, блажа,
И смотрят Кирилл и Мефодий
С таинственного витража.
В костелах и кирхах столицы
Их помнят, их любят и чтят...
Строги и суровы их лица,
Тревожен их пристальный взгляд...

О Прага! Я был очарован
Величием древним твоим,
Наверно, когда-нибудь снова
Пройдусь по твоим мостовым,
Где башни и острые шпили
Восторженно тянутся ввысь,
Где архитектурные стили
Затейливо переплелись...

И все же, и все же доныне
Здесь, в сердце Европы, смогли
Сберечь для потомков святыни
Великой славянской земли,
Во время духовного плена
Сумели, сумели сберечь
В суровых готических стенах
Живую славянскую речь!

* * *

Та женщина жила неподалеку
От старого дворца бакинских ханов...
А в комнате был низкий потолок,
И окна выходили прямо в небо
И в море, что мерцало на рассвете,
И горизонт светился бирюзою.
И воробьи еще в пыли купались,
И корабли качались у причала,
И властно возвышались минареты,
И не тревожили шаги прохожих
Уснувшую в глухих проулках вечность...
А женщина спала. Она не знала,
Что этот мир обязан ей рождением...
И тихо лепестки роняли розы
В дворцовый пруд с зеленою водою...

* * *

Посмотришь вниз с крутой вершины —
Плывут лениво облака.
Внизу раскинулись долины
И потускневшие луга.

Там дымкой зной струится плавно,
Там в зыбком мареве простор,
Там в желтой пелене тумана
Застыли силуэты гор...

Но высотой небес влекомый,
Забуду про пейзаж земной:
Иное чувство невесомо
Отныне управляет мной.

Здесь, на вершине, горный ветер
Высокомерен и сердит,
Кружась один на белом свете,
Любую душу охладит.

Имея пять рублей, могу
В пролетке пыльной, антикварной
По тихим улицам Баку
Продолжить путь. И благодарный
Возница будет говорить
О том о сем... Мелькают спицы,
И будем вечно мы кружить
По улицам ночной столицы...

О, сколько здесь таится тем —
Перед богатством их немею...
А город будет между тем
Привычной жизнью жить своею.

Привычной, если не сказать,
Обычной или же банальной,
Там будет музыка звучать
Из темноты полуподвальной,

Там будут вечно торговать
И пить вино, и веселиться,
Луна из волн морских всплывать,
И солнце за море садиться.

И дураков давнишний спор
Повергнет мудреца в зевоту,
И будет этой ночью вор
Вершить привычную работу...

Уже — попробуй отличи:
Мелькают тени, люди, зданья,
Безмолвно высятся в ночи
Дворцов немые очертанья...

И стариковская рука
Невольно опускает вожжи,
И предо мной встают века,
Минуя ветхие таможни —

Забыты даты, имена,
Цари, визири — все забыто.
И лишь немые письма
Хранят тускнеющие плиты.

О, вязь таинственная плит!
Ведь эти надписи, быть может,
Навечно камень сохранит,
Да их никто прочесть не сможет...

И как неколебимый герб,
Как символ вечного Востока
Застыл на небе лунный серп
Недосягаемо высоко...

И тихо плещется волна,
И ночь бесстрастная темна.

ПОСЛЕ ЗАСУХИ

Обмелел от жары водоем —
Обнажилось песчаное дно.
Тянет остро созревшим гнильем.
Все живое пожухло давно.

Только черная грязь да песок.
Только вязкая глина да ил.
А недавно в тех водах, высок,
Светлый месяц державно светил.

И плескалась в затоне вода,
И сверкала ночная звезда...

И я возвращаюсь туда постепенно.

С трудом поднимаюсь

по старым ступеням.

Щербатые стены...

Покатые крыши...

Всё выше и выше,

Всё выше и выше...

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Вот не думал, что жизнь забросит меня
В те края, где был дедовский дом...
Притулившись к березе,
Сажу у огня.
Ночь.
Спокойно и тихо кругом.

Жаль, что не был ни разу
На отчей земле.
Надо мною в глубинах небес
Необжитые звезды
Мерцают во мгле,
Озаряя загадочно лес.

Нас манила вселенная.
Тайны ее
Мы стремились постичь, разгадать,
А земля?
Мы забыли совсем про нее,
Разучились ее понимать...

Сохранить бы и землю и воды её,
Всё, что раньше не уберегли,
Чтоб земля не теряла обличье своё,
Чтобы мы не теряли земли.

Чтобы помнили всё, что забыто подчас, —
И преданья родной старины,
И степенной старухи
Печальный рассказ
О сынах, не пришедших с войны.

Чтобы всё отразилось
В глубинах души —
Опрокинутый купол небес,
Городок, что затерян в российской глуши,
И шумящий загадочно лес...

Чтоб ничто не истлело,
Чтобы память жила,
Чтобы крепла в мятежной душе...
Всё прозрачней становится
Серая мгла,
Понемногу светлеет уже,

И ночные светила,
Тускнея, дрожат,
Отражаясь в озерной воде...
И тяжелые росы
На травах лежат,
В каждой капле росы —
По звезде.

* * *

Какая тишь! В округе
Струится лунный свет.
И недруги и други
Давно сошли на нет

Шумят морские воды,
Пространства сумрак сжат,
И тени пароходов
У пристани дрожат.

Ржавеют кипарисы,
Мелеет водоем,
Давно сбежали крысы,
А мы еще плывем.

* * *

На небе — полная луна,
Молчит листва. Собака дремлет.
Покой вокруг. И тишина
Насквозь пронизывает землю.

Склонюсь к воде — волна легка.
Звезда в руках засеребрится,
И жизнь, как лунная река,
Сквозь пальцы медленно струится.

* * *

Пиши, пиши, писатель,
Покуда хватит сил,
Уж раз тебя Создатель
Талантом наградил.

Ты в нашей жизни — лишний,
Но не переживай,
Коль веришь, что Всевышний
Тебе откроет рай,

В лучах коварной славы,
В круговороте дел
Молись, чтобы лукавый
Тебя не одолел,

Бесовских игрищ зритель,
Не забывай Христа,
Уж раз тебе Спаситель
Слова вложил в уста.

СОДЕРЖАНИЕ

В. М. Петров. Стяжание слова и духа . . . 3

Из книги "ПЕТЕРБУРГСКАЯ ВЬЮГА" (1992 г.)

"Нашей памяти долгий свет..." 11

"Как сговорившись, окна гаснут..." 12

"Дымится мгла морозного тумана..." 14

"В покинутом доме распахнуты двери..." . . 15

Дорога через кладбище 16

Встреча 17

На выставке русского портрета 18

Суворов 20

В Донском монастыре у надгробия

Сумарокову 22

Федор Раскольников в Париже 24

"Сказал Пророк: "Жить не по лжи"..." . . . 26

"На Родине — как на вокзале..." 27

Пожар в лесу 28

Смута	30
“Отара послушно бредет за своим пастухом...”	32
Раздумья в степи	34
“Позабытый погост...”	36
Забывтая фотография	38
В Царскосельском саду	39
Исаакиевский собор	40
Дом, где жил Тютчев	41
Бестужев-Марлинский	42
Данзас	45
“Сошла с небес полночная звезда...”	46
“Страдай, страдай, душа моя...”	47
Ночую в гостях	48
“Прощаясь наспех, навсегда...”	50
“Как хорошо, что я один...”	51
“За окном — ноябрьский дождь и ночь...”	52
“Ты ждал наступленья зимы...”	53
Зима	54
Сожаление	56
“Вновь устав от жизни бестолковой...”	57
“Дай Бог тебе сильных врагов...”	58
“Дрожащие тени ложатся...”	59

"Привычный путь до отчего порога..." 60

Из книги "СКОРБНЫЙ СЛУХ" (до 2001 г.)

"Который год нас бури носят..." 63

"Как много слов мы говорим подчас..." . . . 64

"Места для боли в душе не осталось..." . . . 65

"Ты говоришь мне: "Будь спокоен..." 66

"Надежда умерла..." 68

"У всех народов — праздники и будни..." 69

"Лето настало. Сирень зацвела..." 70

"Нам всем необходимо постоянство..." . . . 71

"С годами пишется трудней..." 72

"Жизнь моя — надежда и сомненье..." . . . 73

"А была ли ты на самом деле..." 74

"Не осуждаю, не прошу..." 75

"В церковь ходим и крестим лбы..." 76

"Вот и кончилась осень. И ладно..." 77

"И снова ваш спор о судьбе..." 78

Жизнь 79

"Опутано ложью полмира..." 80

"Молюсь исправно Богу. Но..." 82

"Морозы грянули. Крещенье..." 83

"Так повелось уж на Руси..."	84
"Свадьбы. Дни рождения. Крестины..."	86
"Кружась во Всемирном потоке..."	88
"В суете уходящего века..."	89
"Твои костры горят далече..."	90
"Жизнь — работа. И перечень дел..."	91
"Очнешься от шумных застолий..."	92
"Он шел толпе наперекор..."	94
"Стихи писали километрами..."	96
"Тяжеловесная луна..."	97
"В бане пахнет мелиссой и мятой..."	98
Старая Ладога	99
"Исчерпан февраль без остатка..."	100

Из книги "ДВЕ РЕКИ" (2004 г.)

Ангел-хранитель	103
"Была когда-то Родина. А ныне..."	104
"Учись довольствоваться малым..."	105
"И флаг у нас теперь, и гимн..."	106
Духов день	108
"Не ощущаем, как когда-то..."	109
"Мгновеньем надо дорожить..."	110

"Похоронив отца и мать..."	111
Страстная Пятница	112
"Чайки белокрылые кричали..."	114
"Нам всем конец? Не верю!..."	115
"Погаснут светила в полуночный час..."	116
"Вот наконец-то и зима..."	117
"Всё выше, и выше, и выше..."	118
"Пусть на дворе еще зима..."	119
"Украшена огнями елка..."	120
"Хотелось жить легко, красиво..."	121
"Вьюги катятся с Ямала..."	122
"Растаял след инверсионный..."	123
Пруд	124
Рим	125
Афон	126
"В Лондоне, конечно, жить неплохо..."	128
В Миррах Ликийских	129
"Безнадежно устав от прогресса..."	130
"С зимой, похоже, всё в порядке..."	131
Новый год на даче	133
"Избавленный от мелочных забот..."	134
"На всех — и сытых и голодных..."	135
Можжевеловая роца	136

Немятово	138
"Какая осень! После бани..."	140
"Скоро мы оставим мир подлунный..."	141
Рождество	142

**Из задуманной книги "ГЕОГРАФИЯ ДУШИ"
(1988 г.)**

"Говорите, пожалуйста, тише..."	145
Вдохновение	146
"Ни на кого не обижаясь..."	147
"Потянуло холодком..."	148
"За окном — всё крыши, крыши, крыши..."	149
Романс	150
Баллада о скрипке	151
"Ночью в город приходит весна..."	152
"Есть нечто меньше, чем любовь..."	154
Кадры кинохроники	155
Цирк моего детства	156
"Крадучись вползает в дом беда..."	158
Баллада о хозяйственной сетке	159
Письмо	160
В соборе св. Витта	162

"Та женщина жила неподалеку..."	163
"Посмотришь вниз с крутой вершины..."	164
"Имея пять рублей, могу..."	165
После засухи	167
Баллада о старой лестнице	168
Перед рассветом	170
"Какая тишь! В округе..."	172
"На небе — полная луна..."	173
"Пиши, пиши, писатель..."	174

Мизгулин Д. А.

М 58 География души: Избранные стихотворения 1979—2004 гг./Сост. и предисл. В. М. Петрова; Оформ. Г. Котляровой. — М.: Худож. лит., 2005. — 184 с.

ISBN 5-280-03355-3

Книга избранной лирики Д. Мизгулина "География души" — своеобразный малый атлас его обширного поэтического мира, наполненного искренними душевными переживаниями о трагической судьбе современного человека, молитвенными озарениями и высокими духовными прозрениями. Стихи полны удивления и восхищения красотой и многомерностью земного бытия, полны боли за Россию, они окружают читателя благодатным поэтическим полем, помогающим жить и сохранять свою духовность и человечность.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)5

Дмитрий Александрович Мизгулин

ГЕОГРАФИЯ ДУШИ

*Избранные стихотворения
1979—2004 гг.*

Редактор *В. Модестов*

Художественный редактор *Г. Клопт*

Компьютерная верстка *Е. Литвакова*

Корректор *Н. Бучарова*

Ответственный за выпуск *Н. Базанова*

Сдано в набор 29.04.2005. Подписано в печать 20.07.2005.
Формат 70×90/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Baltica. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,7. Уч.-изд. л. 4,0. Тираж 3000 экз.
Заказ № 2011.

Ордена Трудового Красного Знамени государственное
издательство "Художественная литература".
107996, г. Москва, ул. Новая Басманная, д. 19

ISBN 5-280-03355-3

9 785280 033559 >

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

